

Н Ю А Н С Ы

Лариса **КАЗАНИНА**,
кандидат исторических наук

ЧАСТЬ ВИНЫ

Столыпинская программа в оценке российских либералов

Программы крупнейших либеральных партий России начала XX века, конституционных демократов и октябристов, во многом соответствовали стратегической цели столыпинской модернизации — формированию правового государства и гражданского общества в России, современных рыночных отношений и среднего класса. Но общая цель не стала основой для объединения усилий в этом направлении двух ведущих политических партий и министерства П. А. Столыпина, что роковым образом сказалось на исторических судьбах страны и государства.

Теоретические разногласия между кадетами и октябристами нашли отражение и в программных документах этих партий, и в их отношении к программе столыпинских реформ. Ещё в 1906 году кадетская «Речь» писала: «Для суждения о том, как общество и народ отнеслись к политике нынешнего министерства, нужно будет подождать реакции на неё со стороны настоящих политических партий, действующих на выборах в Государственную думу и представляющих собою организации, раскинутые по всей стране»¹. Кадеты даже сделали попытки пойти на компромисс, избрав тактику разоблачений и рассматривая думскую трибуну и печать как инструменты давления на правительство. Реже чем проводить какие-либо реформы, нужно было, по мнению кадетов, ввести России народное представительство².

Иначе подходил к этому вопросу «Союз 17 октября». Конституционалисты-монархисты по убеждению, октябристы считали, что «России монархия нужна более, чем какой-либо стране. Но укрепляться и совершенствоваться эта монархия и у нас может только конституционным путём, при постоянном и правомерном сотрудничестве самостоятельного народного представительства»³. В то же время октябристы заявляли себя «отрицателями так называемого парламентаризма, считая его по условиям настоящего времени не подходящим к требованиям минуты», в отличие от кадетов, которые парламентаризм ставили краеугольным камнем своей программы, и объясняли это различие тем, что кадетская партия «неустанно искала власти в то вре-

мя, как октябристам такое искание всегда было чуждо»⁴. Как заявил лидер октябристов А. И. Гучков, партия заключила с правительством «торжественный договор о взаимной лояльности», основанный на обоюдных обязательствах провести через III Думу широкую программу реформ.

Себя октябристы считали конституционным центром, на который должно опереться правительство⁵. Отбиваясь от обвинений радикальной прессы в том, что у октябристов нет собственной программы и тактики, «Союз 17 октября» постоянно доказывал, что правительственной партией не является, критиковал отдельные стороны правительственных законопроектов и не всегда последовательно поддерживал начинания власти. Справедливым представляется утверждение Э. Вишневецки о том, что «гучковские слова — «мы ждём» и «сосчитаемся» — были, в сущности, апофеозом оппозиционности октябристов»⁶. «Союз 17 октября» желал играть роль конституционного центра, и этим объясняется его тактика в отношении правительственных реформ⁷.

Кадеты же считали П. А. Столыпина врагом не только парламентаризма, но и конституционализма⁸. Важнейший указ 5 октября 1906 года «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий» вызвал негативную оценку кадетов, но не из-за своего содержания, а по причине запоздалости⁹. В разделе «Печать» газета «Речь» помещала только отрицательные отзывы об указе. «Закон не предупредил жизни, как было бы четыре

года назад. Он лишь закрепил на бумаге то, что помимо него сделалось неизбежным и необходимым»¹⁰.

Только поддержка думского умеренно-либерального большинства в лице партии октябристов позволила Столыпину провести через представительные учреждения ряд судьбоносных законов. Октябристская печать приветствовала большинство законопроектов, предложенных правительством. Именной Высочайший указ 5 октября 1906 года, пробивший брешь в каменных стенах законодательной нормировки сословных ограничений в правах сельских обывателей, получил в «Голосе Москвы» в декабре 1908 года следующую характеристику: «Как ни скромны эти изменения, но они закреплены законом, вошли в жизнь и создали мало заметные для глаза, но очень существенные для обывателей облегчения от тяжёлого давления сословного строя. Дальнейшее освобождение личности от пут сословности будет задачей Думы»¹¹. Один из важнейших законопроектов правительства П. А. Столыпина — о неприкосновенности личности, жилища и тайны корреспонденции — также получил вполне ожидаемый комментарий октябристского органа: «Этим законом личность каждого русского подданного ограждается не только от преступных посягательств, но также и произвольных действий правительственных властей и мест при спокойном течении общественной жизни»¹². Законы, гарантирующие права личности, составляли, по мнению «Голоса Москвы», «необходимейшее звено в конституцион-

И. Е. Репин. Портрет П. А. Столыпина.
1910 г.